

«Пчела»: особенности жанровой структуры

Панкратова Мария Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Возникновение и становление категорий жанра и стиля в древнерусской литературе неразрывно связано с византийским влиянием и принятием христианства. Ранние переводы с греческого не только сформировали саму систему жанров, но и отразили тенденции дальнейшего развития этой системы. Особенно ярко это видно на примере такого памятника, как «Пчела».

«Пчела» – сборник мудрых изречений, переведенный не позднее XIII века [Пичхадзе: 7]. Все высказывания сгруппированы по темам (например, «О правде», «О удобьи»), каждая из которых составляет отдельную главу. Новгородская рукопись XIV века РНБ, Ф.п I.44., рассматриваемая в данной работе, содержит 71 главу. Изречения расположены иерархично в зависимости от авторитета мыслителя, которому они принадлежат. Аксиологическая шкала отражена еще в заглавии: *Книгы бьчела. Речи и мудрости от Евангелья и от Апостола и от святых муж и разум внешних философ.* Сначала каждая тема рассматривается с евангельской точки зрения, потом следуют высказывания из Апостола, изречения Отцов Церкви, византийских богословов, и завершают главу утверждения, приписываемые различным античным философам (Платон, Эзоп, Плутарх, Катон, Пифагор, и др.) или историческим лицам (Александр Македонский, Виас, царь Кир и др.). Тематический принцип является определяющим. Так, главы, не имевшие названия в раннем Архивском списке, получили в Позднейшей редакции и в относящемся к ней списке Ф.п I.44, названия «Слов» [Там же: 15]. В центре внимания оказывается тема и определенное истолкование понятия, которому эта тема посвящена. Истинность же истолкования снова и снова подтверждают высказывания философов. Т. е. на первый план выдвигаются традиционность и дидактизм.

Однако есть в «Пчеле» и тенденция к развлекательности, которая воплотится в учительной литературе XVII в., в частности, в «Апофегмате». 224 высказывания, что составляет 11 % содержания Пчелы, не являются сентенциями и близки к анекдоту, причем иногда анекдотичность вытесняет дидактизм. Остроумный ответ может принадлежать персонажу, поступающему вопреки нравственной позиции, взятой за основу в той или иной главе. Например, в главе «О благодарности» читателю предлагается такой анекдот: *Дионисии цесарь, слушая гудьца, добре гудуца, обеща ему дар дати капь злата. Утру же бывшию, и приде гудець просит обещаного, он же отвеща ты вчера гуда възвеселил мя еси песньми, а я такоже обещање възвеселих вас, ныне же отиде от тебе ушью моею веселие твое, а от тебе упованье мое.* Кроме того, лицо низшего социального положения может с помощью остроумного изречения поучать лицо высшего. Мудрое изречение может произносить женщина.

Анекдотические высказывания выделяются по формальному критерию. Практически все они являются остроумным ответом или на слова собеседника, или на сложившуюся ситуацию. Основная характеристика анекдотических высказываний – диалогичность. И хотя сами такие высказывания неоднородны, граница между ними и сентенциями, стоящими в изъявительной или повелительной форме, проводится довольно четко.

72 % анекдотических высказываний занимают хрии, 28 % – соответственно, апофегмы. Чтобы определить, о каком мудреце приведено наибольшее количество анекдотов, нужно выяснить, складывался ли у древнерусского читателя целостный образ мыслителя. При переводе имена философов искажались (например, Диоген и Диогении), и читатель не мог их сопоставить. Два разных перевода одного и того же имени принимались за имена двух различных лиц, поэтому при подсчете учитывались только одинаковые написания. Самыми популярными фигурами оказались Диоген, Сократ, Александр Македонский, Демосфен и Виас, что объясняется их биографией. То, что

Диоген и Сократ занимают первое место по количеству упоминаний, связано с элементами жанра философского диалога. В «Пчеле» в этом жанре в плане содержания воплощается тенденция к дидактизму (мудрец дает ответ на вопрос жизненной важности), а в плане выражения – тенденция к развлекательности (перед читателем не отвлеченная гнома, а диалог, есть остроумный ответ).

В 20 наиболее серьезных главах, таких как «О гресе и о исповеданьи», «О хотящим бытии суде», «О промысле», «О вольнем и невольнем», «О смесе», «О съне», «О уповании», нет ни одного анекдотического высказывания, хотя максимы, принадлежащие античным мыслителям, по-прежнему приводятся. Почему же в этих главах не встречаются хрии и апофегмы? По-видимому, здесь проявляется деление на высокие и низкие жанры. Низкие жанры с тенденцией к анекдотизму недопустимы в высоких («О вере», «О смирении») и важных для осмысления с христианской точки зрения («О клятве», «О ярости и о гневе») темах. Это предположение подтверждается применением к «Пчеле» двух методов перевода, один из которых предназначен для «высоких», сакральных текстов, другой – для текстов неканонических. В библейских фрагментах перевод является пословным, в остальном переводчик обращается с текстом довольно свободно и учитывает древнерусские реалии [Там же: 30].

Таким образом, «Пчела» представляет сложную структуру, в которой есть деление на высокие (разные виды сентеций, поучения) и низкие жанры. В последних выражается тенденция к развлекательности, воплотившаяся в полной мере в литературе XVII в. С одной стороны, «Пчела», и в частности анекдотические высказывания, вписываются в систему жанров античной афористики и отражают степень развития византийской литературы, с другой стороны, они являются частью древнерусской учительной традиции и, находясь на периферии системы, показывают, как может ослабевать традиционная иерархия.

Литература

Пичхадзе А.А. Древнерусский перевод «Пчелы» // «Пчела»: Древнерусский перевод. М., 2008.